

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Куприн

Уточкин

«Public Domain»

1916

Куприн А. И.

Уточкин / А. И. Куприн — «Public Domain», 1916

«Я познакомился с ним в Одессе, на Большом Фонтане, летом 1904 года, и с тех пор никогда не мог себе вообразить Уточкина без Одессы и Одессу без Уточкина. И в самом деле, покойный Сергей Исаевич был в этом городе так же известен всем от мала до велика, как знаменитый покойный адмирал Зеленой или как бронзовое изваяние дюка Ришелье на Николаевском бульваре...»

Александр Иванович Куприн Уточкин

Я познакомился с ним в Одессе, на Большом Фонтане, летом 1904 года, и с тех пор никогда не мог себе вообразить Уточкина без Одессы и Одессу без Уточкина. И в самом деле, покойный Сергей Исаевич был в этом городе так же известен всем от мала до велика, как знаменитый покойный адмирал Зеленой или как бронзовое изваяние дюка Ришелье на Николаевском бульваре. Он сам нередко, заикаясь и нервно гримасничая, по обыкновению, говаривал совершенно серьезным тоном: «Я с-страшно п-п-популярен в-в Одессе», и, выдержав паузу, добавлял:

«К-когда я еду на м-машине, то все м-мальчишки кричат: «Ут-точкин, рыжий п-пес!» Но те же мальчишки обожали его за беззаботную веселость, щедрость, удасть, проказливость и широту натуры. И вообще долгое время был он кумиром, баловнем и местной гордостью живой, пылкой южной городской толпы, которая, однако, равнодушно отвернулась от него в полосу неудач и болезней. Что поделаешь: это – судьба любимцев и обычай публики!

Вся жизнь его была пестра, подвижна, тревожна и по-своему блестяща; вся на краю риска, часто лицом к лицу со смертью! В самом раннем детстве подвергся он потрясающему перепугу во время ночного пожара, что и отразилось на всю его жизнь тяжелым заиканием. Учился плохо, и не так по лености, как вследствие необычайно пылкого темперамента. Перебывал во множестве учебных заведений и, кажется, ни одного не окончил.

Могущественным, неотразимым очарованием влек его к себе спорт всевозможных видов, и в каждой отрасли он добивался совершенства. В школе: городки, лапта, турник, перышки, пуговки, голуби, прыганье, теннис, футбол. Впоследствии – спортивный бег, плавание, гребная и парусная гонка. В период возмужалости последовательно – фехтование, борьба, бокс, велосипед, мотоциклетка, автомобиль, воздушный шар и, наконец, роковой для него аэроплан. В велосипедных состязаниях он выступал, как профессионал, сделал себе громкое имя на русских и заграничных ипподромах, установил в свое время несколько видных рекордов и зарабатывал большие деньги. Держал сначала велосипедный, а потом автомобильный магазин и еще что-то; но держал тоже из своеобразного соревнования, потому что неизбежно прогорал.

Порою играл безудержно в карты, всегда бывал влюблен без ума и памяти, испытывал на себе действие разных наркотиков – и все это ради живой, ненасытимой жажды сильных впечатлений. И во все свои увлечения он умел вносить тот неуловимый отпечаток оригинальности, изящества, простодушного лукавства и остроумия, который делал его столь обаятельным. Он, как никто, умел поэтизировать спорт и облагораживать даже ремесло.

Необычайны были самые приемы его тренинга. Так, тренируясь к большим велосипедным гонкам, он каждое утро, чуть свет, приходил к памятнику Ришелье, от подножия которого идет вниз, в порт, одна из самых длинных лестниц в мире, перемежаемая через определенное число ступеней широкими трехсаженными площадками. Там его уже дожидались приятели, уличные чистильщики сапог, отчаянные мальчишки. Вся эта компания, вместе с Уточкиным, выстраивалась на верхней площадке и по данному сигналу устремлялась вниз. Добежав до конца, до железной церкви, надо было без остановки повернуть назад и лететь во весь дух вверх, к Дюку. Здесь С. И. раздавал призы – первый, второй, третий, а невыигравшим – утешительные гривенники. Так он «открывал себе дыхание». По той же лестнице он спускался до портовой эстакады на своем гоночном, маленьком сером автомобиле, задерживаясь каким-то чудом на площадках.

А готовясь к беговым состязаниям, он однажды на пари (об этом слышал каждый беговой одессит) пробежал от Куликова поля до Большого Фонтана – что-то около восемнадцати станций и двенадцати верст, – рядом с паровым трамваем, обогнав его на несколько сажен.

Конечно, все эти выходки, вместе с профессиональными ушибами и падениями, не проходили ему даром. Мне неоднократно приходилось купаться вместе с ним в море, я мог убедиться, как изуродовано было шрамами и синяками его мускулистое, крепко сбитое, очень белое тело. История широкого рубца, змеившегося на четверть аршина ниже правой лопатки, показалась мне довольно значительной. Во время одного из одесских погромов Уточкин увидел на улице старую еврейку, преследуемую разъяренной кучкой пьяных негодяев. Мгновенно, повинаясь, как всегда, первому велению инстинкта, он бросился между женщиной и толпой с растопыренными руками. «Я с-слышу сзади: не т-трогай... это с-свой... Ут-точкин! И вдруг чувствую в с-спине ск-в-в-озняк. И п-потерял п-память». Больше месяца пролежал С. И. в больнице за свой, может быть, бессознательный, но прекрасный человеческий порыв. Кто-то сзади воткнул ему в спину кухонный нож, прошедший между ребрами.

Так же и во время последнего несчастного перелета (Петербург – Москва) показал Уточкин с великолепной стороны свое открытое, правдивое и доброе сердце. Тогда – помните? – один из авиаторов, счастливо упавший, но поломавший аппарат, отказал севшему с ним рядом товарищу в бензине и масле: «Не мне – так никому». Уточкин же, находясь в аналогичном положении, не только отдал Васильеву свой запас, но сам, едва передвигавшийся от последствий жестокого падения, нашел в себе достаточно мужества и терпения, чтобы пустить в ход пропеллер васильевского аэроплана.

В последний раз видел я Уточкина в больнице «Всех скорбящих», куда отвозил ему небольшую, собранную через газету «Речь», сумму. Физически он почти не переменялся с того времени, когда он, в качестве пилота, плавал со мною на воздушном шаре. Но духовно он был уже почти конченный человек. Он в продолжение часа, не выпустив изо рта крепкой сигары, очень много, не умолкая, говорил, перескакивая с предмета на предмет, и все время нервно раскачивался вместе со стулом. Но что-то потухло, омертвело в его взоре, прежде таком ясном. И я не мог не обратить внимания на то, что через каждые десять минут в его комнату через полуоткрытую дверь заглядывал дежурный врач-психиатр.

Он был выше среднего роста, сутуловат, длиннорук, рыжеволос, с голубыми глазами и белыми ресницами, весь в веснушках. Одевался всегда изысканно, но, как это часто бывает с очень мускулистыми людьми, – платье на нем сидело чуть-чуть мешковато. Усы и бороду брил и носил прямой тщательный пробор, что придавало его лицу сходство с лицом английского боксера, циркового артиста или жокея. Был очень некрасив, но в минуты оживления – в улыбке – очарователен. Из многих виденных мною людей он – самая яркая, по оригинальности и по душевному размаху, фигура.

Замечу еще одно. Спортивная жизнь не мешала ему очень много читать и, благодаря исключительной памяти, – многое помнить. У него был несомненный вкус. Он первый обратил мое внимание на Гамсуна и Бласко Ибаньеса.

В промежутках между полетами он говорил: «Летать – одно наслаждение. Если там, наверху, чего-нибудь и боишься, то только земли».

Спи же в ней, спокойное, мятежное сердце, вечный искатель, никому не причинивший зла и многих даривший радостями.